

М. БЕККЕР

Анна Ахматова

«Ахматова! Это имя — огромный вздох». Так сказано у Цветаевой. Хорошо сказано. Родственница по духу, Цветаева хорошо чувствует особенности своей поэтической подруги.

О муза плача, прекраснейшая из муз...
О ты, шальное исчадие ночи белой.
Ты черную посылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И какая она щедрая, эта Цветаева!

Я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! И сердце свое в придачу.

Но этот широкий благородный жест хочется невольно предупредить, тем более, что то и другое имеется у Ахматовой в избытке. Колоколов хоть отбавляй, а любви премного... Но бог Ахматовой особый, и любовь ее особая. Ее Бог не жестокосердный Егова, а всепрощающий, готовый во имя любви рабы своей Ахматовой отпустить кое-кому грехи. Недаром же Ахматова восклицает:

Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебе, и всем, кого ты любишь...

Чтобы понять слитность в ее сознании таких представлений, как религия и любовь, достаточно привести вот эти строки:

Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, —
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на «Песни песней».

Я знаю, что сердце, пронзенное стрелой, означает любовь. Я знаю также, что этот символ стал ходячим, шаблонным. Ничего не подделаешь! Этот символ невольно всплывает, когда читаешь стихи Ахматовой. Да, сердце Ахматовой изранено любовью. Не надо быть врачом, чтобы чувствовать перебои и перестуки ее больного сердца. Не надо прибегать к рентгеновским лучам, чтобы сделать видимым ее сердце, изнашивающее под тяжестью любовной сверхнагрузки.

Овидий воспел «науку страсти нежной». Сафо — «страстно-кудрая жрица» — дала стихийное, почти физическое ощущение любви. Но кто сравнится с Ахматовой в передаче любви отвергнутой и неразделенной, кто сумел так потрясающе убедительно передать любовные горячки, любовные томления! Ее произведения — это энциклопедия любви. Нет такого любовного переживания, которое не получило бы у нее освещения; при этом, беря какое-нибудь переживание, она варьирует его на различные лады. Вот как у нее передано чувство ревности.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок — маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Сила Ахматовой в том, что она не рядит свои чувства в пышные одежды фразеологии. Она не прибегает к смягчающим абражурам. Пламень ее чувства горит бурно, трепетно, беспокойно.

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила
И его украли у меня.

Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное все равно.

Эта интимность и большая непосредственность делают Ахматову в глазах женщин «богиней любви». На нее любовно обращены взоры многих читательниц. Одна из этих читательниц в письме к тов. Коллонтай просила разъяснить, почему Ахматова, не будучи коммунисткой, влияет на учащихся и комму-

нисток, в том числе на нее, автора письма. Коллонтай ответила целым посланием, в котором Ахматова изображается чуть ли не вождем нового поколения женщин. Можно подумать, что пред тобою не Анна Ахматова, а Жанна д'Арк, явленная не по господней воле, а по «коллонтайному» чуду! «Видите ли, — разъясняет Коллонтай, — Ахматова нам вовсе не такая чужая, как кажется с первого взгляда. В ее трех белых томиках трепещет и бьется живая, близкая нам женщина современной нам эпохи, эпохи ломки человеческой психологии, эпохи мертвой схватки двух культур, двух идеологий — буржуазной и пролетарской. Анна Ахматова на стороне не отживающей, а создающейся идеологии»...

«Едва ли не лучшие стихи Ахматовой, — пишет далее Коллонтай, — посвящены окрыленной радости освобождения женщин от оков любви, в которой нет взаимного признания, нет истинного духа товарищества».

Ах, вот вы какая, Ахматова! Почему бы вам не вступить тогда в женотдел каким-нибудь замзаком? И почему бы тогда не позаботиться просвещенной Коллонтай о переводе ваших произведений с целью их распространения среди угнетенных женщин Востока?

Однако, спросит читатель, неужели Коллонтай, одна из умнейших женщин нашей эпохи, говорит такую ересь? В чем же она, собственно, видит дух товарищества и прочие революционные добродетели? А вот в чем. У Ахматовой сказано:

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.

Из этого Коллонтай заключает, что Ахматова протестует против опошления в женщине ее человеческого достоинства. Далее у Ахматовой сказано:

Ушла к другим бессонница-сиделка —
Я не томлюсь над серою водой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется иглой.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Из этого Коллонтай делает тот вывод, что Ахматова освобождается от оков любви, в которой нет «истинного духа товарищества».

Согласимся на минуту с Коллонтай. Ахматова решила уйти от любовных сетей. Она отвергает любовь, не оплодотворенную

товарищеским чувством. Куда же она уходит? В общественность? В работу? Ответ на этот вопрос мы найдем в следующих стихах:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
Чтоб утолить ненужную тревогу...
...Я возвращаюсь. Лижет мою ладонь
Пушистый кот, мурлыкая умильной.

Итак, недостаток любви компенсируется мистикой да кошачьими нежностями...

Далее, поверим на минуту, что Ахматова огорчена тем, что милый друг отрицает за ней право на творчество. Но что тогда значат такие строки?

Было душно от жгучего света,
А взгляд его, как лучи.
Я только вздрогнула: *этот*
Может меня приручить.

В том-то и дело, что не новое сознание руководит Ахматовой. Творчество Ахматовой отражает сознание женщины, воспитанной в духе рабства и покорности, готовой исполнить прихоти и капризы любимого («этот может меня приручить»), неврастеничной, размагниченной долгой и мучительной любовью. Если к этому присоединить мистичность, то облик поэтессы станет ясным. И эротика, и мистика производны от определенных условий. Они выросли на определенной социальной почве, на почве упадка энергии того класса, именем которого выступает Анна Ахматова.

